

119-62

байтерек

СУДЬБА

идеи

для роста, развития

и созидания

МЫ СТАЛИ ДРУГИМИ?

Поиск пути и осмысление

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕНТАЛИТЕТА

Аширбек Сыгай о народе и культуре

ДУША СТЕПИ

Традиция и современность

ЧЕРЕЗ ТЕРНИИ – К ЗВЕЗДАМ

ГРУЗИЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ

ИЛЬЯ СИНЕЛЬНИКОВ:

МНЕ БЫЛО ХОРОШО, И ВЕЛ МЕНЯ АБАЙ

*Скорбен телом ты или
тщедушен умом –
Не беснуйся от нажитых
ран.
Нет вины на слепом, нет
вины на хромом –
Всепрощающе судит Коран.*

ИМ ВТОРИЛИ ВОЛНЫ ТЕМИРА

В марте 1981 года вскоре после XXVI съезда КПСС, я, радиожурналист, пришёл в известный алматинцам Дом ученых. В этом доме у Зеленого базара жил академик АН Казахской ССР Сактаган Баишев. Ученый-обществовед согласился дать для Казахского радио интервью по поводу «исторических», по принятой тогда терминологии, решений съезда. Ответ корифея науки был выдержан в духе времени, как марочное вино. Не знаю, какой бес ткнул меня под ребро. Я выключил свой звукозаписывающий аппарат «Репортер-6» и сказал:

- Сактаган Баишевич, я ожидал от вас емкого научного анализа директив съезда, а вы ограничились их кратким политическим комментарием.

Академик откинулся на спинку кресла, всмотрелся в меня, стремительно встал и, загибая широкие полы темно-синего плюшевого халата, начал ходить по кабинету туда-сюда, вдоль книжных шкафов. остано-

вился, засмеялся и вынул из шкафа одну из семи своих научных монографий.

- Я хочу подарить вам эту свою книгу, – сказал он и стал неторопливо надписывать титульный лист.

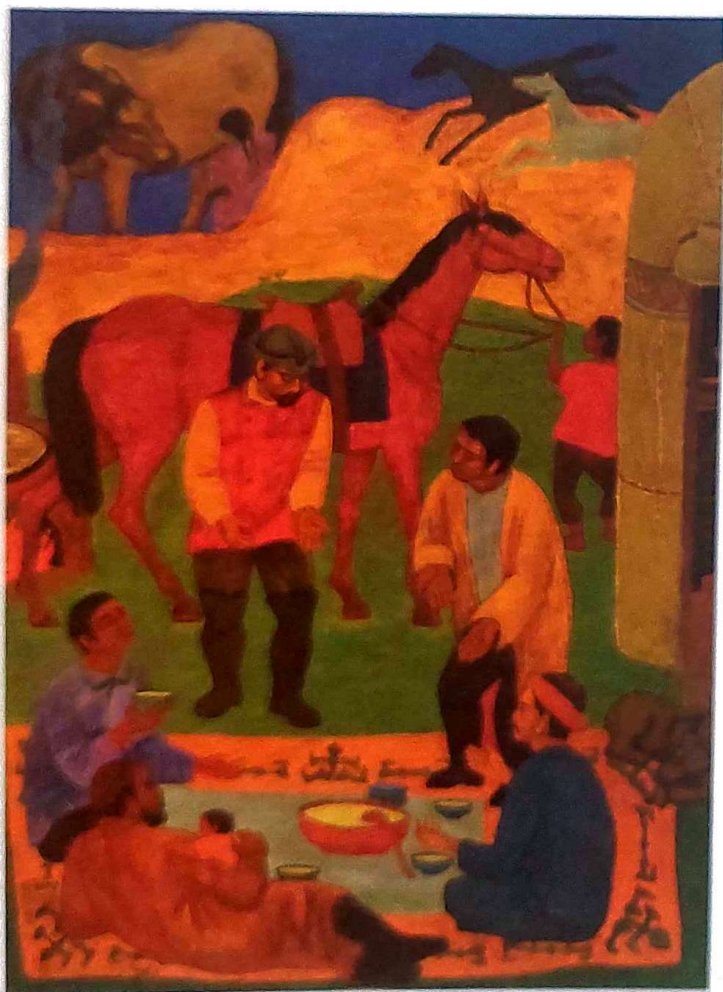
Я не мог не обратить внимания на старомодный, прямо-таки каллиграфический почерк ученого.

- Скажите, кто вам ставил руку? – спросил я. – Примерно такой почерк у моей бабушки, которая училась до революции в церковно-приходской школе.

Баишев поставил точку и воскликнул:

- О! Это отдельная тема. Я в 1927 году окончил русско-казахскую трудовую семилетнюю школу в городе Темире, в глубинке Актюбинской области. Руку мне ставил, как вы выразились, мой учитель. Бывший дворянин, сын польского демократа, сосланного некогда в Темирский уезд, он преподавал нам русский язык и словесность. Вы что-нибудь знаете о городе Темире?

- Темир когда-то был знаменит богатыми армь-

Айтбаев С. Гость пришел. 1969.

ками, — ответил я, — вроде тех, что устраивались в Каркаре, в Жетысу.

— Это экономический аспект, — сказал Баишев. — А есть еще культурный и личностный. С нашей школой связаны судьбы трех казахских академиков. Помимо меня ее окончил будущий доктор медицинских наук Саим Балмуханов. В ней недолго учительствовал будущий композитор, народный артист Казахстана Ахмет Жубанов. Кстати, переехав в Актюбинск, он познакомился там с одним польским музыкантом, питомцем Варшавской консерватории, который поддерживал увлечение Жубанова музыкой.

Семя было брошено. Через какое-то время я позвонил ученому-химику, академику АН КазССР Болату Ахметовичу Жубанову:

— Не сохранились ли дневники вашего отца темирского периода?

— Весь архив отца — у моей сестры, Газизы, обратитесь к ней.

На мой телефонный запрос кто-то из домочадцев композитора Газизы Ахметовны Жубановой сказал, что весь их фамильный архив сложен на антресолях. Его разбор и систематизация для очень занятой хозяйки дома — дело трудоемкое, да ее и в городе сейчас нет. На нет и суда нет.

И я отправился к Саиму Балуановичу Балмуханову в Институт онкологии и радиологии, где он работал заместителем директора. Академик был на операции. Под «капельницей ожидания» я провел часа полтора. Наконец в коридорчике появился доктор и, не сни-

мая белоснежного халата, пригласил меня пройти к нему в кабинет.

Откинувшись, подобно академику Баишеву, на спинку кресла, хозяин кабинета устало проговорил:

— Давайте встретимся как-нибудь в другой раз. Я только что из Стокгольма, где выступал на заседании Шведской королевской академии наук по проблемам лучевой терапии. Мне есть что вам рассказать. Но не сейчас.

Я принес извинение за свой предварительно не согласованный визит и добавил, что он не связан с зарубежной поездкой академика.

— Вот как? — удивился он. — Что же вас тогда привело ко мне?

— Я хотел попросить вас рассказать о вашем родном городе Темире.

И произошло удивительное преобразование. В подернутых усталостью глазах 60-летнего академика вспыхнул свет.

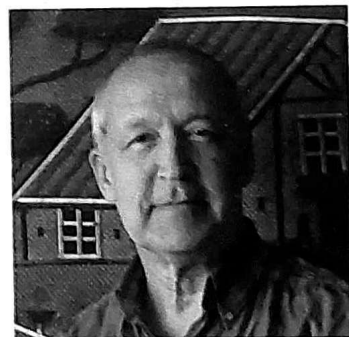
— Темир, — прошептал он, — о нем я готов говорить бесконечно...

Когда той же весной я приехал в Темир, то моими незримыми спутниками в

хождениях по городу и его степным, исполненным весеннего лиризма окрестностям были и Сактаган Баишев, и Саим Балмуханов, и их земляк, ученый-историк из Казахского государственного университета Абу Такинов, который рассказывал мне перед командировкой о том, как его родной город логикой истории был ввинчен в круговерть Октябрьской революции и гражданской войны.

Я бродил по береговым увалам смирной речки Темир, где юный Саим Балмуханов вместе с более взрослыми отроками слушал рассказы ученого-лингвиста Кудайбергенов Жубанова, старшего брата композитора. Он заведовал кафедрой казахского языка и литературы в пединституте имени Абая в Алма-Ате, но отпуск часто проводил в родном Темире. Приводя детвору на берег реки своего детства, он говорил об Алма-Ате, Москве и Ленинграде, где окончил Институт восточных языков. Арестованный по навету завистников в период сталинских репрессий и объявленный «врагом народа», Кудайберген Куанович Жубанов был расстрелян 29 декабря 1938 года.

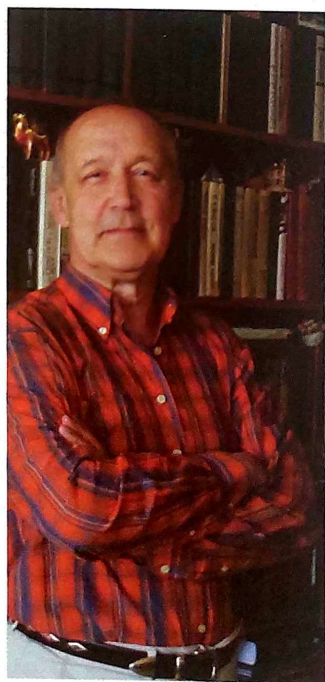
Невладение языком народа, на земле которого зародилась, идет и пройдет твоя жизнь, — это не только ущерб, нанесенный твоей личности системой воспитания в советскую эпоху. Это удар судьбы, от которого ты, может быть, и мог, но не сумел увернуться.

Об авторе. Илья Синельников — журналист, поэт и переводчик. Лауреат премии «Алтын Жулдыз» (1997 г.). В 70-90-е годы — автор и ведущий литературных и общественно-политических программ на Казахском радио и TV. Перевел на русский язык стихи ряда поэтов Казахстана и рассказы музыковеда Ильи Жаканова. Автор замечательных «восточных» легенд «Султан и Ходжа», «Два золотых сердца», «Восточная поэма», которые мы, возможно, скоро представим на страницах «Байтерека». Издал книги для детей «Серебряные трубочки» («Жалын», 1979 г.), «Как сорока медведя спасла» («Онер», 1984 г.) и сборники своих стихов и переводов: «Свои слова» («Санат», 1999 г.), «Атакент» («Олке», 2008 г.).

Приехали мы затемно. Я постоял у облупившейся стенки давно не беле-ного домика, потом прошел к могиле Абая, огорожен-ной бедной арма-турной решеткой, и стал читать на память стихи поэта: «Жизнь уходит, и сбыться мечтам не дано...».

В Казахской энциклопедии приведены слова Мухтара Ауэзова об этом первом казахском профессоре-филологе: «Как по первому аллюру можно угадать ино-ходца ... так и первые шаги Кудайбергена Жубанова ... давали знать: кто он есть и каково его назначение».

Подобно тому, как предан-ность Ахмета Куановича Жубанова казахской музыке стала заветом для наслед-ницы его дара – дочери Газизы, так и святое служе-ние Кудайбергена Жуба-нова родному языку стало жизненной заповедью для его землячки – выдающе-гося казахского ученого-филолога Рабига Галиевны Сыздыковой. В 80-е годы прошлого века она переда-ла в дар родной темирской школе большое собрание книг из своей домашней библиотеки.

Академик Национальной академии наук РК Рабига Сыздыкова – редкий знаток родного языка, тонкий ис-следователь образной тка-ни и гармоничного строя поэзии великого Абая.

– Жаль, что вы не владеете казахским языком, – ска-зала мне при расставании Рабига Галиевна, завершив воспоминания о своем те-мирском детстве. – Я была бы рада поведать вам, как филигранен стиль Абая, как переключаются (аукаются и отзываються) слова в его певучих и мудрых стихах...

Невладение языком на-рода, на земле которого зародилась, идет и пройдет

твоя жизнь, – это не только ущерб, нанесенный твоей личности системой вос-питания в советскую эпоху. Это удар судьбы, от кото-рого ты, может быть, и мог, но не сумел увернуться.

«О казахи, мой бедный на-род...» – сокрушался Абай. Я бы этот великий вздох поэта перефразировал: «О русский народ, обеднивший себя немотой и глухотой в мире казахской речи!»

НЕ ОБЕДНЯЙТЕ СВОЮ ЖИЗНЬ

Осознание этой менталь-ной обеднённости осо-бенно досаждают и саднит сердце, когда ты оказы-ваешься один на один с Великой степью.

В мае 1970 года, свое-вольно раздвинув локтями программу журналистской командировки, я проехал на узике по «Велико-му кумысному пути» – из Аягоза в Караул. В селе Караул (ныне Абай) я попал на концерт школьной само-деятельности, где услышал голос, который никогда не забудет душа. Девяти-классник пел «Каркаралы» – творение песенного гения Сары-Арки – Мадии, пел так, что актовый зал школы, казалось, зазвенел.

Во второй половине дня я двинулся пешим ходом в Жидебай – любимое урочище-зимовку Абая, где, медленно угасая, закати-лась в 1904 году вечерняя звезда его жизни. Там поэт и был похоронен. Образ Абая, любимый с детства, звал меня. Я не знал, что до Жидебая – 25 километров. Шел себе и шел. Солнце склонялось, будто кланя-

лось земле поэта. Зеленая трава от предзакатных лучей оранжевела. Вдоль дороги перелетали с места на место попискивающие птицы. На левом горизон-те фиолетово змеилась вереница Чингизских гор. Панорама казалась при-родной иллюстрацией слов автора «Пути Абая»: «С на-ступлением темноты горы становятся синеватыми, хмурыми и словно отступа-ют вдаль».

Я был один, и мне было хо-рошо. Меня вел дух Абая. Часа через два меня нагнал молоковоз, мчавшийся из Караула. Паренек-шофер выскочил из кабины, ошара-шенно оглядываясь по сто-ронам – нет ли кого еще со мной? Солнце присело на горизонт. Он показал одной рукой в степь – тут волки! А другой – в сторо-ну машины: садись, давай! Қайда барасын? В Жидебай? Абайға? Оставшиеся пол-тора десятка километров пути он глядел не столько на дорогу, сколько на меня и качал головой. Приехали мы затемно. Я постоял у облупившейся стенки давно не беле-ного домика, потом прошел к могиле Абая, огороженной бедной ар-матурной решеткой, и стал читать на память стихи поэта: «Жизнь уходит, и сбыться мечтам не дано...».

*Обделенный в делах,
обойденный в любви,
Что – слепа – обозналась
в сердцах,
Помни – зиждется мир,
как его ни язви,
Не на бесах, а на небесах.*